

^ Индийское божество в ухе. И немного рельефного фриза на черепе.
Фото Марины Ткачевой

Статья посвящена новой пленэрной скульптуре Д. Намдакова «Transformation». Описывается символика скульптуры, ее вхождение в современный менталитет и пребывание на территории Сибирского федерального университета в Красноярске. Подчеркивается ее новизна и преемственность с традициями архаических культур. Формулируется мысль об эклектичности современного художественного восприятия и разнообразии интерпретаций художественных смыслов произведения.

Ключевые слова: Красноярск; пленэрная скульптура; Даши Намдаков; архаика; эклектика; гений места; художественные смыслы. /

The article is devoted to "Transformation", a new plein-air sculpture by D. Namdakov. It describes the symbolics of the sculpture, its penetration into the contemporary mentality and its location on the territory of Siberian Federal University in Krasnoyarsk. The article points out its originality and continuity of traditions. It speaks about the eclecticity of contemporary artistic perception and the diversity of interpretations of the artistic spirit of the sculpture.

Keywords: Krasnoyarsk; plein-air sculpture; Dashi Namdakov; archaic character; eclectics; genius loci; artistic spirit.

Трансформация: возмутитель спокойствия / Transformation: Troublemaker

Молодость стремится вдаль, зрелость – вширь, старость – вглубь.

Аминодав Шполянский

Настроения всех работ – это я сам.

Из интервью автора с Д. Намдаковым

Впечатление

Весна в Сибири – нервное время: неожиданный холод, ветра, затаившие дыхание деревья, никак не желающие зазеленеть. Только сосны слегка посветлели. Праздничные дни. И студентов немного. Но «Transformation» почти не бывает одна. Издали она мимикрирует, почти сливаясь с сероватыми стволами сосен. На фотографиях выглядит довольно крупной, а вблизи оказалась

компактной, «мускулистой» и... странно грубоватой. Все это никак не совпадало с ожиданием филигранной, «вылизанной» до последнего штриха работы. Видимо, и красноярцы тоже ждали привычной для Намдакова ювелирной отделки, уместной для ожидаемого эффекта мастерства признанного художника, которая никак не совпадала с атмосферой места. Но – вот и первая неожиданность: брутальность, некоторая неуклюжесть, лапидарность материала. В шутку говорят, что мастерство заключается в том, чтобы сделать простой и грубый материал подобным благородному: камень обработать так, чтобы он стал похож на пластичный металл, преодолеть его твердость, хрупкость, придать тонкость и изысканность. В нашем случае все

наоборот: благородная бронза, из которой изготовлена скульптура, уподобилась камню, обточенному водой. Эффект усиливается патинированием, изменившим вид металла почти до неузнаваемости. Все зрители без исключения говорили мне, что, конечно же, скульптура сделана из камня. Я видела, как люди ковыряют поверхность, чтобы понять, из чего она составлена. Вот первая трансформация: металл обретает свойства изначального элемента, статус которого он и имеет в китайской культуре. Вряд ли такое превращение пришлось бы по вкусу любителям изысканных техник. Но Столбы, сибирские граниты – истинная стихия места, вливающаяся в сознание помимо воли. Все, кто видел скульптуру в интернете, и даже те, кто принимал участие в ее установке, уверяли, что «Transformation» напоминает фантастические узловые валуны, взламывающие землю и вспухающие из самой ее сердцевины. И вот из них-то, этих первоначальных материалов, возникают лица, скульптуры, черепа... Блоки так расплавлены и изогнуты, что кажется, будто в каждом таится лицо, фигура или морда зверя. Правильным решением было уменьшение высоты фундамента скульптуры (так говорит Ирина Крылова, архитектор скульптуры). Так она еще больше срастется с местом.

Смыслы

В «трансформации» читаются традиции Генри Мура, погружавшего свои фигуры в поля и пастби-

ща. При этом Намдаков остается самим собой, но он захватывает темы гораздо шире, чем в прежних работах. Не случайно, что эти темы имеют вид прямых цитат из разных культур и эпох.

Макет выполнили в лондонской мастерской скульптора, а отливку из бронзы делали в Бурятии. Работа над скульптурой заняла почти год. Вес скульптуры – 8 тонн, ее размеры – 4900 × 3200 × 3800 см. Такова история ее изготовления.

Начиная с первых работ, Даши Намдаков прочно связывает свое творчество с традициями и архетипами культур Востока – от внешней принадлежности его героев к монголоидным народам до серьезной интерпретации глубинных мифов [1].

Любой обзор и теоретическая аналитика не могут пройти мимо символики культур кочевых народов и ее значения для работ Намдакова [2]. Фраза из его интервью, что он сам принадлежит к этому народу, поэтому не может иначе, однажды уже была приведена мною [3]. Это и внешняя похожесть его героев на людей Востока, и внутренняя их уравновешенность, естественным образом дополняющаяся энергичным и даже необузданным порывом [4]. В красноярской скульптуре, как всегда у Даши, много смыслов: «Лицо человека, которое только и тиражируют фотографы в интернете, мне показалось, – не скульптура, в которую трансформируется камень, а мысль о том, что сам камень, из которого делают скульптуры, обладает духом или

^ Лошади, быки, лоси. Частично архаические, частично авторские. Вид изнутри пещеры. Фото Марины Ткачевой

^ Среди сосен. Фото Марины Ткачевой

разумом, одушевлен, как человек. Ведь известно, что люди, умеющие видеть ауру, видят ее и вокруг камней» (Ольга Смирнова).

«Сквозная» конструкция «Transformation» коннотирует с принципом «переливания» внешнего во внутреннее, «выворачивания» предмета изнутри наружу, идею, что внутреннее суть внешнее и наоборот. А это, конечно, предполагает у зрителя довольно отчетливое знакомство с буддийской символикой. Идеи тождества внутреннего и внешнего подкрепляются и тем, что внутри из «стены» выдвинут плоский камень, чтобы посидеть и подумать, поразглядывать воспроизведения палеолитических петроглифов. И опять – эти наскальные изображения, во множестве рассеянные по региону, привязаны именно к Сибири, одной из древнейших прародин человечества.

Пространственный внутренний замысел превращает трансформацию в некую малую архитектурную форму: «Это же своеобразная арка, в нее можно войти и выйти, можно пройти через нее, а можно в ней задержаться. Это тоже нестандартное решение – сделать из скульптуры место для размышления» (Ольга Смирнова). Внутренняя подсветка заставляет скульптуру светиться всеми щелями. Мне она напомнила «Прошлое» Чюрлениса...

Но красноярская скульптура гораздо богаче и рассчитана, как мне кажется, не столько на высокоученые аналогии и проведение историко-культурных параллелей, сколько на понятность для доволь-

но поверхностно, но разносторонне образованного зрителя. В каком-то отношении она рассчитана на студентов, постоянно перемещающихся по территории сосновой рощицы к СФУ и от него. Самые разные по географии и историческим пластам объекты собраны воедино, причем, на первый взгляд, довольно произвольно: сфинкс утвердился на обломке ионийской колонны; кентавра то ли гложет, то ли облизывает то ли змея, то ли Царь-рыба (истинно сибирский мотив, восходящий к прозе В. Астафьева); из черепа то ли рождается, то ли прикрывает его звериный рельеф... Невозможно точно привязать к какому-то конкретному персонажу ни один из элементов. Да и безошибочно распознающаяся принадлежность к разным культурам тоже выглядит довольно общо.

Вот истинно восточный символ – колесо сансары. Но где необходимые круги, где деление на темное и светлое? Единственное, что изваяно точно – восемь сегментов. А про это «знают все». Вот какое-то индийское божество. Но какое? Если Шива, то где множество его рук, где змей на шее, где полумесяц, третий глаз? Это индийское «божество вообще». Несколько успокаивает восьмилепестковый лотос и лотосовый трон, на котором восседает индуистское (по всей видимости, все же – индуистское) божество. А кому принадлежит череп, любимый элемент скульптора? Это тоже «черепа вообще». А что это за петроглифы, напоминающие южноамериканские божества

v Колонна, кентавр, змея (рыба), сфинкс на колонне, колесо сансары... И все в одном флаконе. Фото Ольги Смирновой

исчезнувших культур? А почему сфинкс, напоминающий изображение Хатшепсут, лишен атрибутов царственности – фуллера-бородки? Эта скульптура полностью соответствует характеристике круглой:

с каждой стороны она раскрывается по-новому, и ни с какого ракурса – целиком.

Для меня же по-новому раскрылся сам художник. Нет привычной монументальности, ориенталист-

^ Летящий-плывущий сфинкс. Вид с западной стороны. Фото Ольги Смирновой

^ Подсветка. Фото Ольги Смирновой

v Кентавр и чудо-змей-рыба. Вид вечером. Фото Ольги Смирновой

ской стилизации. Нет законченности, то есть изображения всех деталей сюжета. Зато... появляется то ли плывущий, то ли летящий сфинкс. Где это видано?

А в целом и эклектичная композиция, и ластиногий сфинкс, и глаз этого сложенного из разнокалиберных фрагментов видимого в фас лица, косящий в

сторону общежитий, производят на редкость ироничное впечатление. Задумывалось ли это Намдаковым или появилось невольно? В любом случае мы хорошо представляем феномен современного искусства – достраивать художественный образ в восприятии и благодаря этому порождать множественность смыслов, вырастающих из одной предметной

оболочки. Эта небольшая по меркам прежних проектов Даши скульптура – пересечение потребности Места, которое приняло «Transformation» и срослось с ней, а также достаточно противоречивых ожиданий со стороны заказчиков, искусствоведов и массового зрителя. В контексте общих настроений горожан – это новый взгляд, изменяющий отношение красноярцев к пленэрной скульптуре и установке для ее восприятия. Даши Намдаков раскрывает новые, неожиданные стороны своего характера и демонстрирующего истинного «κοσμοπόλιταν» – человека мира.

Выражаю благодарность Даши Намдакову за спонсорскую помощь, давшую возможность увидеть его новое произведение.

Хочу сказать искреннее спасибо Ольге Смирновой за помощь в поиске информации, интересные беседы, часть содержания которых вошла в текст, и сделавшей цикл фотографий, использованных в статье.

**Марина Ткачева /
Marina Tkacheva**

Литература

1. Ткачева М. Л. Прекрасный и яростный мир // Проект Байкал. – 2007. – № 14. – С. 28–35
2. Кистова А. В. Сложная культурная идентичность сибирских художников как результат этнокультурной динамики конца XX – начала XXI века (творчество Даши Намдакова) [Электронный ресурс] // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. – Режим доступа: eLIBRARY ID:

29974659. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. – С. 131–137

3. Ткачева М. Л. Кочевник-2: Круги и спирали // Проект Байкал. – 2012. – № 32. С. 35

4. Комарова Н. П., Марц Л. В. Сохранение традиций: кочевой стиль // Кочевник: Между небом и землей: Шедевры древних культур степей Евразии из собрания Исторического музея и произведения скульптора Даши Намдакова. – М.: ФГБУК «Государственный исторический музей», 2014. – С. 265

References

Kistova, A. V. (2017). Slozhnaya kulturnaya identichnost' sibirskikh khudozhnikov kak rezultat etnokulturnoi dinamiki kontsa XX-nachala XXI veka (tvorchestvo Dashi Namdakova) [A complex cultural identity of Siberian artists as a result of ethnocultural dynamics in the late 20th – early 21st centuries (Dashi Namdakova's works)]. Spetsyfica etnicheskikh migratsionnykh protsessov na territorii Tsentralnoi Sibiri v XX-XXI vekakh: opyt i perspektivy. eLIBRARY ID: 29974659. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. Komarova, N. P., & Marts, L. V. (2014). Sokhraneniye traditsiy: kochevoi stil' [Preservation of traditions: a nomadic style]. In Kochevnik: Mezhdub nebum i zemlei: Shedevry drevnikh kultur stepei Evraziiz sobraniya Istoricheskogo muzeya i proizvedeniya skulptora Dashi Namdakova (p.265). Moscow: FGBUK "Gosudarstvennyi istoricheskii muzei".

Tkacheva, M. L. (2007). Prekrasnyi i yarostnyi mir [A wonderful and furious world]. Project Baikal, 4(14), 28-35. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.14>

Tkacheva, M. (2012). The Nomad 2. Circles and Spirals. Project Baikal, 9(32), 35. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.32>